

<https://doi.org/10.37816/2073-9567-2023-69-237-247>

УДК 821.161.1.0

ББК 83.3(2Рос=Рус)

Научная статья / Research Article

This is an open access article distributed under
the Creative Commons Attribution 4.0
International (CC BY 4.0)

© 2023 г. Е. Е. Дмитриева
г. Москва, Россия

**«ЗАПОВЕДНИК» С. ДОВЛАТОВА И ЗАПОВЕДНИК А. С. ПУШКИНА:
ОБ ОСОБЕННОСТЯХ
ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ УСАДЕБНОГО ТЕКСТА
И УСАДЕБНОГО МИФА**

Исследование выполнено в ИМЛИ РАН за счет гранта
Российского научного фонда
№ 22-18-00051, URL: <https://rscf.ru/project/22-18-00051>

Аннотация: Тема усадеб, их истории и механизмов порождения ими усадебного текста, стала уже давно одним из приоритетных направлений гуманитарных наук. При этом очевидно, что история усадеб и история текстов, ими порождаемых, есть явления разного порядка. Чаще встречаются случаи, когда усадебный текст, хотя и подпитывается собственным усадебным опытом писателя, но при этом сколком с действительности (хотя бы косвенным) почитаться не может. В статье рассматривается более редкий казус — художественный текст, в прямом смысле слова порожденный усадьбой, который к тому же аккумулирует в себе две разные эпохи с присущим им конфликтным менталитетом. Пример такого столкновения эпох внутри усадебного текста в западной литературе мы находим в романе М. Кундеры «Неспешность», а в русской литературе — в повести С. Довлатова «Заповедник». Особенность текста Довлатова заключается в том, что его герой приезжает не в живую усадьбу, а в музей, к тому же освященный культовым именем Пушкина, где и сами усадьбы, входящие в составе заповедника, и Пушкин стали объектом постоянно репродуцируемого мифа. Разрушение Довлатовым и пародирование им советской мифологии, во многом профанировавшей имя Пушкина, порождает в свою очередь антими́ф, взятый на вооружение уже современной эпохой. В герменевтической истории «Заповедника» возникает курьез, явно не предусмотренный автором. Усилиями критики нигилистический в своей основе текст интерпретируется как транслятор основных тем, мотивов и ценностей русской литературы. В результате антими́ф Довлатова, которым он возвестил окончательный конец усадебной эпохе, утверждается в дальнейшей рецепции повести как культурная доминанта новой эпохи. Своим текстом, посвященным заповеднику, в котором жестко осмеяны всякого рода штампы и идеологемы, Довлатов породил идеологемы новые.

Ключевые слова: С. Д. Довлатов, «Заповедник», пушкинский заповедник, А. С. Пушкин, С. С. Гейченко, мифологизация музейного пространства, антими́ф.

Информация об авторе: Екатерина Евгеньевна Дмитриева — доктор филологических наук, член-корреспондент РАН, ведущий научный сотрудник, Институт мировой литературы им. А. М. Горького Российской академии наук, ул. Поварская, д. 25 а, 121069 г. Москва, Россия.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-9692-8329>

E-mail: katiadmitrieva@mail.ru

Дата поступления статьи: 10.03.2023

Дата одобрения рецензентами: 20.04.2023

Дата публикации: 25.09.2023

Для цитирования: Дмитриева Е. Е. «Заповедник» С. Довлатова и заповедник А. С. Пушкина: об особенностях функционирования усадебного текста и усадебного мифа // Вестник славянских культур. 2023. Т. 69. С. 237–247.

<https://doi.org/10.37816/2073-9567-2023-69-237-247>

Тема русских (а в последнее время — и не только русских) усадеб, их истории и механизмов порождения ими особой разновидности литературного текста — усадебного текста, в определенные моменты успешно коррелирующего с усадебным мифом, стала уже давно одним из приоритетных направлений гуманитарных наук: истории, искусствознания, литературоведения.

При этом очевидно, что история усадьбы (усадеб) и история текстов ею (ими) порождаемых, есть явления разного порядка, тем более что значительно чаще встречаются казусы, когда усадебный текст, создаваемый тем или иным писателем, хотя и подпитывается его собственным усадебным опытом, но при этом описанная в этом тексте «художественная» усадьба прямым, или хотя бы косвенным сколком с действительности почитаться не может. Таковы, например, усадебные новеллы И. А. Бунина, эстетизм и поэтическая насыщенность которых особо поражают при знакомстве с его родной усадьбой Озерки, ничего общего с его описаниями не имеющей. Впрочем, именно желание найти подтверждение тексту во внетекстовой реальности нередко приводит в дальнейшем критиков, интерпретаторов, краеведов да и просто читателей к желанию приписать тому или иному топосу статус художественного прототипа. Так ищутся прототипы усадебных локусов Пушкина: Тригорское, имение его соседей, осмысляется как место, где развиваются события деревенских глав «Евгения Онегина». Село Жадры (Жадрицы) в Опочецкой волости Псковской губернии, почитается тем самым Жадрино, в церкви которого должна была венчаться пушкинская Марья Гавриловна в повести «Метель». А в нижегородском имении Кистеневка, расположенном по соседству с Болдином, видится имение, принадлежавшее в романе «Дубровский» Андрею Гавриловичу Дубровскому.

Надо ли говорить, что созданию умозрительного усадебного мифа во многом способствовала литература русской эмиграции: лишенные своих родовых домов, оторванные от почвы писатели (Набоков, Осоргин, Зайцев, Бунин) создавали усадебные тексты, на долгие годы сформировавшие наше представление об усадьбах, отнюдь не претендующие при этом на статус документа эпохи.

Нас же в данной статье будет интересовать относительно более редкий казус: художественный текст, в прямом смысле (а не в мифотворческом сознании современников или потомков) порожденный усадьбой, с ее бытием коррелирующий и продолжающий ее (порой не столь уж и долгую) жизнь в письме как способ зафиксировать картины беспощадно ускользающего времени. Проблематика, о которой немало размышляли, в частности, Шатобриан и Пруст.

Здесь мы имеем несколько возможных модальностей.

1) Наиболее частый случай — это художественный (мемуарный) текст, ставящий перед собою задачу отразить бытие конкретной усадьбы, увиденное или прочувствованное непосредственным свидетелем или участником усадебной жизни. Подобный текст претендует на достоверность и в этом смысле вполне вписывается в жанровую разновидность эго-романистики (такова, например, книга Ал. Алтаева «Гдовщина. Забытый угол» [13]¹). К этому же разряду можно отнести и художественные тексты (как правило, характерные для более ранней эпохи), ставившие перед собой дифирамбическую цель: воспевание жизни в усадьбе. Таковы «Евгению. Жизнь Званская» Г. Р. Державина, его же пастушеская мелодрама «Обитель Добрады», в которой по моде того времени был изображен условный Павловск, «Прогулка в Савинском» И. М. Долгорукого с описанием масонского имения Лопухина, «Мои Пенаты» К. Н. Батюшкова (описание имения Олениных) и т. д. (см.: [20]). Из примеров, заимствованных из зарубежной литературы, можно привести роман Лафонтена «Любовь Психеи и Купидона», задуманный как своего рода дифирамб Версалю. А также стоящую у истоков литературной мифологии Версаля «Прогулку в Версале, посвященной Королю» Мадлен де Скюдери. Вспомним также фантастический сад Лилар, описанный в романе «Титан» Жан Поля (Рихтера), в котором отразились вполне конкретные черты парка Готы.

Из более поздних примеров нельзя не упомянуть ту роль, которую сыграло в прозе Франсуа Мориака его имение в Малагаре, став тем пространством, где происходит действие целого ряда его романов («Плоть и кровь», 1920; «Прародительница», 1923; «Клубок змей», 1932).

2) Другой модальностью или жанровой разновидностью порожденных усадьбой текстов могут считаться те, что были написаны потомками хозяев усадьбы, пытающимися воскресить с определенной исторической и психологической дистанции уже ушедшую в небытие усадебную жизнь. Таков роман Анны Вяземски «Горстка людей» (1998), посвященный описанию жизни предреволюционных лет в имении ее двоюродного деда Бориса Леонидовича Вяземского (1883–1917), усманского уездного предводителя дворянства, зверски убитом в 1917 г. возвращавшимися с войны солдатами.

Пример другого рода — все тот же Малагар, который подпитывал литературные фантазмы также и сына Мориака, Клода. В его романе «Терраса Малагара» (1977), представляющем личный дневник автора, охватывающий период в 60 лет, проходит семейная и писательская жизнь Франсуа Мориака, за которой начиная с 1927 г. наблюдал его сын Клод.

3) Ближе примыкают к этому типу письма художественные тексты, написанные не членами семьи — но теми, кто мог наблюдать за усадебной жизнью со стороны: слугами, детьми слуг и т. д. Уже после издания «Террасы Малагара» во Франции появился еще один роман, автором которого была Люсен Сензель, дочь одного из служащих поместья Малагар, с детства влюбленная в одного из хозяйских сыновей, Жана Мориака, которому 60 лет спустя она решила признаться в любви [10, с. 59].

Сходный прием, но уже переадресованный вымышленному персонажу, использовал в своем романе «Вилла Керилос» искусствовед и писатель Адриан Гец. Главный герой этого романа, сын кухарки, проведя свое детство на античной вилле Керилос, которую богач и любитель Античности Теодор Рейнах построил для себя на средиземноморском побережье, возвращается много лет спустя на виллу. Бродя по дому, проходя

¹ Здесь и далее я привожу примеры, подробно описанные и проанализированные в моей монографии [5].

комнату за комнатой, он заново открывает для себя и античное прошлое европейской культуры, и свое собственное прошлое, что превращает роман в род экфрасиса, в деталях рисуящего реальное поместье [23].

4) В традиции французской культуры было считать, что архитектуру, по природе своей обреченную на уничтожение и исчезновение, спасти может одна только литература. Это блестяще продемонстрировал Виктор Гюго в своем романе «Собор Парижской Богоматери», провидчески веруя в то, что его роману суждено будет взять на себя функции, которые в Средние века выполнял собор. Представление о том, что именно роман (т. е. СЛОВО) способен воплотить то, что оказалось не под силу архитектуре, есть еще одно обстоятельство, подпитывающее усадебный текст и усадебный миф. В 1748 г. член парламента лорд Гораций Уолпол покупает себе небольшую ферму под Лондоном на берегу Темзы, намереваясь перестроить ее в средневековом духе [12, с. 57]. К своему замку он относится иронически, называя его «бумажным». И продолжается это до тех пор, пока во сне не привиделась ему рука великана в доспехах, вычертившая иной замок — мрачный, гигантский, непостижимый. Так возник первый готический роман в английской литературе — «Замок Отранто», ставший для Уолпола тем, чем не могло стать его реальное имение Строберри Хилл, и поставивший с небывалой смелостью вопрос о пропасти, что отделяет скудную реальность от «безмерности мысли» [11, с. 150–151].

Еще один пример подобного рода восходит к истории братства прерафаэлитов. В конце 1880-х гг., когда У. Моррис расстался с мечтой осуществить «преобразование мира по законам красоты», он стал писать романы, в которых попытался — теперь уже виртуально — создать тот самый «прекрасный, жизни назначенный мир», который ему не удалось воплотить в построенном им Редхаусе. Так появился в 1890 г. его роман «Вести ниоткуда» [19], действие которого было перенесено в Лондон конца XX в., превратившийся к этому времени в город-сад по образцу любимого им когда-то Аптона.

5) Наконец, еще один и, пожалуй, наиболее редкий «извод» усадебного текста, соотнесенного с конкретным усадебным пространством, — описание усадьбы, аккумулирующей в себе одновременно приметы двух (или более) различных эпох с присутствием им конфликтным менталитетом. Прием этот характерен, в частности, для кинематографа (см., например, фильм «Сны» К. Шахназарова и А. Бородянского 1993 г.). В литературе блистательный пример такого столкновения эпох мы находим в романе М. Кундеры «Неспешность» (1995), в котором автор позволяет себе не просто столкнуть в романе век XVIII и век XX, но еще и тексты, этими двумя столетиями порожденные: свой собственный и знаменитый когда-то текст Вивана Денона «Без завтрашнего дня» (1777), инкорпорированный в его роман. Место (поместье, замок), скрывающее в себе собственную литературную мифологию, заставляет героя не просто сопоставить «век нынешний» и «век минувший», но еще и проблематизировать тему памяти, исторической, литературной и просто человеческой.

В русской литературе конца XX в. примером такого позднейшего возвращения в некогда живое усадебное пространство является повесть С. Д. Довлатова «Заповедник» (1977–1983). Но здесь, правда, тема возвращения-переосмысления оказывается дополнительно осложненной целым рядом обстоятельств. Главный герой повести Борис Алиханов, за которым явно проступает и биографически, и психологически автор (как бы он сам и вторящие ему критики не пытались это отрицать), приезжает не просто в усадьбу, но в усадьбу, освященную именем первого поэта России и давно уже превращенную в музейное пространство, куда со всех концов страны приезжают толпы

туристов. Собственно, первая проблема заключается именно в том, что он приезжает не в живую усадьбу, а именно в музей, где в задачу экскурсовода, коим он и собирается быть, входит, по закону жанра, реанимирование когда-то протекавшей здесь живой жизни.

О том, каким выигрышным лотерейным билетом стало для многих усадеб превращение их после 1917 г. в музеи, написано уже немало. В 1931 г. Б. Л. Пастернак даст своему роману название «Охранная грамота», имея в виду оправдание искусства в годы, когда особо стала понятна его уязвимость и незащищенность перед лицом государства. Такие грамоты выдавались отдельным усадьбам с 1918 по 1921 г. [6, с. 88]. Оправданием существования музея в усадьбе мог стать признанный советской властью литератор, художник или композитор, живший и работавший там. Так, 30 марта 1918 г. Совнарком взял под охрану «со всеми историческими реликвиями» имение Л. Н. Толстого Ясная Поляна, и Софья Андреевна Толстая оставалась там жить на государственной пенсии до самой смерти в 1919 г. В Абрамцеве хранителем становится Александра Саввична Мамонтова (дочь мецената), в тютчевском Муранове — Н. И. Тютчев (см.: [4, с. 566, 570–571, 688]). Статус исторического памятника получает в 1918 г. Ивановка (бывшая усадьба Зиллоти в Тамбовской губернии), став после революции — Рахманиновкой. Именно ее уже в конце 1920-х гг. будет пытаться воскресить в эмиграции С. В. Рахманинов, строя усадьбу Сенар на берегу Фирвальдштетского (Люцернского) озера (см.: [5, с. 172–200]).

Пушкинским местам повезло меньше: в Михайловском до 1927 г. располагалась свиноферма, а в Тригорском — совхоз (см.: [8]), хотя официально, на основании постановления Совета народных комиссаров от 17 марта 1922 г., могила А. С. Пушкина в Святогорском монастыре, усадьбы Михайловское и Тригорское, сожженные в феврале 1918 г., были объявлены заповедными. Очень сильно пострадали пушкинские места во время Великой Отечественной войны. Однако к 1977 г., к которому относится действие повести «Заповедник», и Михайловское, и Тригорское, и даже соседнее имение Ганнибалов Петровское были полностью восстановлены.

Но проблема музея — проблема особая. В незаконченном романе немецкого романтика Новалиса «Ученики в Саисе» уже однажды был описан бунт вещей, вырванных из своих обычных связей и помещенных в музей. Понимание того, что отдельная вещь — суть ошибка и обман, а существует лишь единый поток творимой жизни, было вообще одним из центральных в эстетике и романтиков, и символистов. С. С. Гейченко, назначенный директором Пушкинского заповедника в 1945 г. и занимавший эту должность вплоть до смерти в 1989 г., как представляется, отчетливо осознавал, что для музея, чтобы он не превратился в хранилище ненужных вещей, нужна мифология — «новая мифология». Как писал о Гейченко один из первых его летописцев, «ученый со своим вечным “почему” с первых его дней здесь неразрывно соседствовал в нем (Гейченко. — Е. Д.) с хранителем и художником, спрашивающим при этом еще и “как”, чтобы наука оборачивалась поэзией, без чего здесь все будет неправдой. <...> В том-то и дело, что директору нужна была не консервация, не восковая фигура невозвратного Михайловского, а живая усадьба с делящейся, естественно скрепляющей два времени жизнью...» [17, с. 26–27]. С этим были связаны и знаменитые устные квазиимпровизации Гейченко о кукушке, которая не просто кукушка, «но пра-пра-правнучка той кукушки, которую слышал Пушкин». И порой почти наивное воскрешение в книге «У Лукоморья» той самой мифологии, которая присутствовала ранее в воспоминаниях А. Н. Вульфа и М. И. Семевского [14, с. 79–265, 5–78], когда сам Пушкин, читая у рояля

главы Онегина в Тригорском, якобы признавался: «Дорогие, не только в четвертой, но и в этой новой главе “Онегина” я изобразил свою жизнь в деревне...» [15, с. 250–251].

И стоит ли тогда удивляться, что именно Гейченко, делающий ставку на поэтическую музеефикацию в пушкинском заповеднике, выступает в повести «Заповедник» как чуть ли не главный антагонист героя. Тот, кто профанирует имя и дело Пушкина. Заметим, что, в отличие от остальных персонажей, даже имя его Довлатов не изменил. О валуне на развилке герой зло говорит жене: «Дурацкие затеи товарища Гейченко. Хочет создать грандиозный парк культуры и отдыха. Цепь на дерево повесил из соображений колорита. Говорят, ее украли тартуские студенты. И утопили в озере» [16, с. 315]. Другой выпад против Гейченко автор вкладывает в уста эрудита Митрофанова: «...аллея Керн — это выдумка Гейченко. То есть аллея, конечно, имеется. Обыкновенная липовая аллея. А Керн тут ни при чем» [16, с. 321].

При этом, порицая Гейченко-мистификатора, Довлатов и своего героя (Бориса) в свою очередь моделирует как мистификатора. Не случайно, что ставшая знаменитой сцена цитирования есенинских стихов в домике няни (ее жизненная достоверность также стала в пушкинских местах легендой, как и снятие с дуба цепи, по которой ходил «кот ученый», тартускими студентами во главе со старшим сыном Ю. М. Лотмана М. Ю. Лотманом) в местной мифологии окажется не только знаковой, но и неоднократно воспроизводимой уже за пределами довлатовского текста.

Как недавно заметила М. С. Акимова (Федосеева), разрушение и пародирование Довлатовым советской мифологии, профанировавшей имя Пушкина, создавшей его тщательно выверенный, идеологически выхолощенный образ, породило в свою очередь антимиф, взятый на вооружение уже современной эпохой (см.: [1, с. 22–29]) и сыгравший — добавим от себя — роль не менее пагубную, чем советский миф о Пушкине.

Собственно, дополнительная сложность усадебного текста Довлатова «Заповедник» — в потенцировании читательских ожиданий. Как бы автор не утверждал впоследствии, что персонажи, им описанные, вымышленные, все они имеют прототипы, притом абсолютно узнаваемые, что позволяет дополнительно обозначить жанр данного текста как «роман с ключом», который, однако, таковым быть отказывается. Но именно эти читатели-прототипы и образовывали первый, самый предвзятый пласт читательского прочтения, — зачастую обиженного, скептического, с педалированием того, что, дескать, про неправду все написано.

Еще один слой потенциальных читателей — те, что сами не попали на страницы ставшей знаменитой повести, но были свидетелями многих из описываемых в ней событий и, не будучи лично затронутыми, все же не могли не соотносить художественное изображение с тем, что условно можно было бы назвать реальностью тех лет.

Но, по-видимому, самым многочисленным читательским слоем можно назвать поклонников автора, которые воспринимают «Заповедник» как интеллектуальный бестселлер, наполненный явными и скрытыми смыслами и в этом своем качестве непременно требующий расшифровки. Такой подход преобладает и в целом ряде работ, посвященных «Заповеднику» (см.: [2, с. 129–140; 9, с. 123–127]).

Думается, что читатель, относящийся к еще одной категории — непредвзятых реципиентов довлатовского текста, не может не заметить, насколько антипатичны большинство описанных в этой повести персонажей. Собственно, и само ее название недвусмысленно указывает: речь идет о заповеднике причудливых, странных, временами порочных зверьков, каковыми и явлены в повести действующие лица [7, с. 201–

210]. И лишь представление, что во всем происходящем можно различить «указующий перст судьбы», как сказано у Довлатова в другой его повести «Зона», придает описанному мистериальную значимость (ср. близкие к финалу строки повести, повторяющие почти дословно ранее сказанное: «Тут уже не любовь, а судьба...») [16, с. 350]).

Созданный в повести «Заповедник» образ замкнутого, закрытого пространства, населенного в основном марионеточными героями, которые либо наивно транслируют идеологемы властного дискурса, либо их пародируют (подобно персонажам В. Г. Сорокина), но при этом все равно транслируют, — конечно же, антиномичен созданному русской литературой образу усадеб как «интеллектуальных теплиц, в которых распустились самые красивые цветы» [22, с. 116]. И в этом — эпатажная, разрушительная сила довлатовского текста, роль которого — показать в том числе опасность штампов и суждений *a priori*, таких как не предполагающий разночтений вопрос: «Вы любите Пушкина?» [16, с. 275].

Но именно здесь возникает проблема, затрагивающая в первую очередь герменевтику повести и во многом смещающая изначально заложенный в ней посыл. В герменевтической истории «Заповедника», как нам представляется, возник курьез, явно не предусмотренный автором. Создателями и носителями этого курьеза оказываются те критики и интерпретаторы (о них уже шла речь выше), которые почитают своим долгом поднять нигилистический в своей основе текст на уровень транслятора основных тем, мотивов и ценностей русской литературы. Среди так называемых претекстов довлатовской повести называются пушкинские «Евгений Онегин», «Повести Белкина», «Капитанская дочка», а также «постпушкинские претексты», означенные именами Гончарова, Блока, Солженицына и др. (см.: [3, с. 15–28]). Собственно, на гончаровского Обломова, как и на лермонтовского Печорина проецируется критиками и образ главного героя-нарратора, подразумеваемого *alter ego* автора.

В результате сконструированный Довлатовым антими́ф утверждается в дальнейшей рецепции повести как культурная доминанта эпохи. Пародийности и «пародичности» (Ю. Н. Тынянов) придается статус серьезности. И только у отдельных читателей, как правило принадлежащих к старшему поколению, возникает ностальгия по временам, когда можно было слепо, наивно и даже смешно верить в Пушкина, его поэзию и его спасительную для всех нас роль.

То, что на уровне музейного быта пытался сделать С. С. Гейченко, воскрешая и в своей книге «У Лукоморья», и в наполняющих усадьбы артефактах приметы пушкинского времени, предстает у Довлатова как иллюзорно-невозможное и даже постыдное. В отличие от Кундеры, ностальгически соположившего в своем романе век XX и век XVIII, когда человек в своем поместье еще позволял себя обольщать и любить, Довлатов ностальгии по усадебной культуре, судя по всему, не испытывал. Как когда-то Великий Пан, своей смертью возвестивший конец античной эпохи, Довлатов своей повестью и за семь лет до собственной смерти возвестил окончательный конец усадебной эпохи и светлому пушкинскому мифу.

Но имманентно присущий культуре закон действует так, что один исчезающий миф непременно вызывает появление другого. Довлатов своим посвященным заповеднику текстом, в котором безжалостно и временами слишком жестко осмеял всякого рода штампы и идеологемы, породил идеологемы и штампы новые. И теперь уже не к Пушкину (не только к Пушкину, но и к Довлатову) обращена строка газетной передовицы «сюда не зарастет народная тропа» [18]. А завсегдаи пушкинских мест, возможно, все еще помнят фотографа Валеру, прототипа Валеры Маркова, который незадолго до соб-

ственного ухода и уже после появления в печати «Заповедника» любил стоять на берегу Сороти и рассматривать, прищулив один глаз, дно пустой бутылки, вопрошая при этом случайных прохожих: «Любите ли вы Довлатова? А ведь я единственный порядочный его человек» [16, с. 282].

Список литературы

Исследования

- 1 *Акимова (Федосеева) М. С.* Усадебный мир и музейный миф в повести С. Д. Довлатова «Заповедник» // *Филологические науки. Вопросы теории и практики.* 2020. Т. 13. Вып. 6. С. 22–29.
- 2 *Богданова О. В., Власова Е. А.* Лермонтовский и постлермонтовский интертекст в повести Сергея Довлатова «Заповедник» // *Российский гуманитарный журнал.* 2019. Т. 8, № 2. С. 129–140.
- 3 *Богданова О. В., Власова Е. А.* Пушкинский и постпушкинский интертекст в повести Сергея Довлатова «Заповедник» // *Университетский научный журнал.* 2018. № 42. С. 15–28.
- 4 *Дворянская и купеческая сельская усадьба в России. XVI–XX вв.: Исторические очерки.* М.: Эдиториал УРСС, 2001. 784 с.
- 5 *Дмитриева Е. Е.* Литературные замки Европы и русский «усадебный текст» на изломе веков: (1880–1930-е годы). М.: ИМЛИ РАН, 2020. 767 с.
- 6 *Кончин Е. В.* Революцией призванные: Рассказы о московских эмиссарах, [принимавших участие спасении нац. культ. ценностей в первые годы Сов. власти]. М.: Московский рабочий, 1988. 252 с.
- 7 *Малащенко В. В.* Художественная деталь и семантика заглавия повести С. Довлатова «Заповедник» // *Филологический аспект.* 2018. № 12 (44). С. 201–210.
- 8 *Тимошенко Д.* «...От судеб защиты нет». Михайловское в 1934–1941 гг. Псков: [б. и.], 2013. 390 с.
- 9 *Цирконов Э.* Реминисценции из русской классической литературы в прозе Сергея Довлатова («Чемодан», «Компромисс», «Заповедник») // *Актуальная классика. Мат. вторых студенческих науч. чтений.* М.: Литера, 2018. С. 123–127.
- 10 *Camus R.* Demeures de l'esprit: France I, Sud-Ouest. Paris: Fayard, 2008. 432 p.
- 11 *Le Brun A.* Les Châteaux de la subversion. Paris: Jean-Jacques Pauvert, 1992. 303 p.
- 12 *Lewis W. S.* The Genesis of Strawberry Hill // *Metropolitan Museum Studies.* 1934. № 5 (1). P. 51–59.

Источники

- 13 *Алтаев Ал.* Гдовщина. Забытый угол. 60 лет жизни на милой земле. СПб.: Изд. Русской христианской гуманитарной академии, 2020. 480 с.
- 14 *Вульф А. Н.* Дневники: 1827–1842 // *Любовный быт Пушкинской эпохи.* М.: Современник, 1999. С. 79–265.
- 15 *Гейченко С. С.* У Лукоморья. Рассказы хранителя Пушкинского заповедника. М.: Книжный клуб Книговек, 2020. 431 с.
- 16 *Довлатов С.* Заповедник // *Довлатов С.* Зона. Компромисс. Заповедник. М.: ПИК, 1991. 351 с.
- 17 *Курбатов В.* Домовой. М.: Издат. группа 1900, 2021. 160 с.
- 18 *Миронович О.* «Заповедник» в Заповеднике. К Довлатову «не зарастет народная тропа» // *Аргументы и факты.* Псков. 17 июля 2014. URL: <https://pskov.aif.ru/author/1211074> (дата обращения: 28.08.2023).

- 19 *Моррис У.* Вести ниоткуда: утопия / пер. с англ., предисл. В. В. Дамье. 2-е изд. М.: URSS, 2010. 168 с.
- 20 Сельская усадьба в русской поэзии XVIII – начала XIX века. Комментированное научное издание / сост., вступ. ст. и коммент. Е. П. Зыковой. М.: Наука, 2005. 431 с.
- 21 *Семевский М. И.* Прогулка в Тригорское // Любовный быт пушкинской эпохи. М.: Современник, 1999. С. 5–78.
- 22 *Трофимов А. (Трубников А.).* От Императорского музея к Блошиному рынку. М.: Наше наследие, 1999. 189 с.
- 23 *Goetz A.* Villa Kerylos. Roman. Paris: Editions Grasset et Fasquelle, 2017. 349 p.

© 2023. Ekaterina E. Dmitrieva
Moscow, Russia

A. S. PUSHKIN'S RESERVE AND “RESERVE” BY SERGEI DOVLATOV: ON PECULIARITIES OF THE COUNTRY ESTATE TEXT AND THE COUNTRY ESTATE MYTH

Acknowledgements: This study was supported in the IWL RAS by the Russian Science Foundation project, no. 22-18-00051. Available at: <https://rscf.ru/project/22-18-00051>.

Abstract: The theme of manors, their history and the mechanisms of generation of the manor text, has long been one of the prioritized areas of the humanities. At the same time, it is obvious that the history of estates and the history of texts generated by them are phenomena of different order. More often there are cases when the estate text, although fueled by the writer's own estate experience, cannot be revered as an imprint from reality (at least indirectly). The paper deals with a rarer incident: a text, literally generated by the estate, which accumulates two different eras with their inherent conflict mentality. An example of such a clash of epochs within the manor text in Western literature is the novel by M. Kundera “Slowness”, and in Russian literature — the novel by S. Dovlatov “Reserve”. The peculiarity of Dovlatov's text is that his character is visiting a museum, consecrated by the cult name of Pushkin, where both the estate and Pushkin have become the object of a constantly reproducible myth. Dovlatov's destruction and parody of Soviet mythology, which in some way profaned the name of Pushkin, in turn generates an anti-myth, adopted by the new age. The hermeneutical history of the “Reserve” generates curiosity, clearly not provisioned by the author. Through the efforts of criticism, the nihilistic text is interpreted as a translator of the main themes, motifs and values of Russian literature. As a result, Dovlatov's anti-myth, which heralded the end of the country estate era, becomes in the further reception of the novel a cultural omen of Modern times. With his text dedicated to the reserve, in which all kinds of cliches and ideologems are harshly ridiculed, Dovlatov gave birth to new ideologems.

Keywords: Sergei Dovlatov, “Reserve”, Pushkin's Reserve, A. S. Pushkin, S. S. Geychenko, Mythologization of Museum Space, Anti-myth.

Information about the author: Ekaterina E. Dmitrieva — DSc in Philology, Corresponding Member of RAS, Leading Research Fellow, A. M. Gorky Institute

of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Povarskaya 25 a, 121069 Moscow, Russia.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-9692-8329>

E-mail: katiadmitrieva@mail.ru

Received: March 10, 2023

Approved after reviewing: April 20, 2023

Date of publication: September 25, 2023

For citation: Dmitrieva, E. E. “Alexandre Pushkin’s Reserve and “Reserve” by Sergei Dovlatov: on Peculiarities of the Country Estate Text and the Country Estate Myth.”

Vestnik slavianskikh kul'tur, vol. 69, 2023, pp. 237–247. (In Russ.)

<https://doi.org/10.37816/2073-9567-2023-69-237-247>

References

- 1 Akimova (Fedoseeva), M. S. “Usadebnyi mir i muzeinyi mif v povesti S. D. Dovlatova ‘Zapovednik’” [“The Manor World and the Museum Myth in the Story of S. D. Dovlatov ‘The Reserve’”]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*, vol. 13, issue 6, 2020, pp. 22–29. (In Russ.)
- 2 Bogdanova, O. V., Vlasova, E. A. “Lermontovskii i postlermontovskii intertekst v povesti Sergeia Dovlatova ‘Zapovednik’” [“Lermontov and Post-Lermontov Intertext in Sergei Dovlatov’s Novella ‘The Reserve’”]. *Rossiiskii gumanitarnyi zhurnal*, vol. 8, no. 2, 2019, pp. 129–140. (In Russ.)
- 3 Bogdanova O. V., Vlasova E. A. “Pushkinskii i postpushkinskii intertekst v povesti Sergeia Dovlatova ‘Zapovednik’.” [“Pushkin’s and post-Pushkin’s Intertext in the Story of Sergei Dovlatov ‘Reserve’.”]. *Universitetskii nauchnyi zhurnal*, no. 42, 2018, pp. 15–28. (In Russ.)
- 4 *Dvorianskaia i kupecheskaia sel'skaia usad'ba v Rossii. XVI–XX vv.: Istoricheskie ocherki [Noble and Merchant Rural Estate in Russia. 16–20 Centuries: Historical Essays]*. Moscow, Editorial URSS Publ., 2001 784 p. (In Russ.)
- 5 Dmitrieva, E. E. *Literaturnye zamki Evropy i russkii “usadebnyi tekst” na izlome vekov: (1880–1930-e gody) [Literary Castles of Europe and the Russian ‘manor text’ at the turn of the century: (1880s–1930s)]*. Moscow, IWL RAS Publ., 2020. 767 p. (In Russ.)
- 6 Konchin, E. V. *Revoliutsiei prizvannye: Rasskazy o moskovskikh emissarakh, [prinimavshikh uchastie spasenii nats. kul'turnykh tsennostei v pervye gody Sovetskoi vlasti] [Called by the Revolution: Stories about Moscow Emissaries [who Took Part in the Salvation of the National Cultural Values in the Early Years of the Soviet Union Authorities]*. Moscow, Moskovskii rabochii Publ., 1988. 252 p. (In Russ.)
- 7 Malashchenko, V. V. “Khudozhestvennaia detal' i semantika zaglaviia povesti S. Dovlatova ‘Zapovednik’” [“Artistic Detail and Semantics of the Title of S. Dovlatov’s Novella ‘The Reserve’”]. *Filologicheskii aspekt*, no. 12 (44), 2018, pp. 201–210. (In Russ.)
- 8 Timoshenko, D. “...Ot sudeb zashchity net”. *Mikhailovskoe v 1934–1941 gg. [“...There is no Protection from the Fates.” Mikhailovskoye in 1934–1941]*. Pskov, [without a publisher], 2013. 390 p. (In Russ.)
- 9 Tsirkonov, E. “Reministsentsii iz russkoi klassicheskoi literatury v proze Sergeia Dovlatova (‘Chemodan’, ‘Kompromiss’, ‘Zapovednik’” [“Reminiscences from Russian Classical Literature in the Prose of Sergei Dovlatov (‘Suitcase’, ‘Compromise’,

- ‘Reserve’)]. *Aktual'naia klassika. Materialy vtorykh studencheskikh nauchnykh chtenii [Actual Classics. Proceedings of the Second Student Scientific Readings]*. Moscow, Litera Publ., 2018, pp. 123–127. (In Russ.)
- 10 Camus, Renaud *Demeures de l'esprit: France I, Sud-Ouest*. Paris, Fayard Publ., 2008. 432 p. (In French)
- 11 Le Brun, Annie *Les Châteaux de la subversion*. Paris, Jean-Jacques Pauvert Publ., 1992. 303 p. (In French)
- 12 Lewis, W.S. “The Genesis of Strawberry Hill.” *Metropolitan Museum Studies*, no. 5 (1), 1934, pp. 51–59. (In English)